

УДК 82

Е. О. Чаплыгина¹

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. Школа-интернат для одаренных детей
Владивосток. Россия

Из опыта подготовки к олимпиадам по литературе: рассказ В. Дёгтева «Потому и плачу...» в контексте русской литературы

В статье затронута проблема одного из главных требований, предъявляемых к обучающимся в школе-интернате для одаренных детей, – участие в предметных олимпиадах. В подготовительной работе по литературе важно умение сравнить предложенные тексты. В курсе «Дар», ориентированном на подготовку к олимпиадам, нами рекомендуется для сопоставления с произведениями русской классической и современной литературы рассказ современного воронежского писателя В. Дёгтева (1959–2005) «Потому и плачу...».

Ключевые слова и словосочетания: олимпиада, сравнительный анализ, В. Дёгтев, русская литература, рассказ «Потому и плачу...».

E. O. Chaplygina

Vladivostok State University of Economics and Service. Boarding school for gifted children.
Vladivostok. Russia

From the experience of training for the Olympics in literature: the story written by V. Degtev "That's why I cry..." in the context of Russian literature

The article discusses the problem of one of the main requirements given to students which study in the School for gifted children – participation in the intellectual subject competition. The ability to compare different texts is very important. In the course "The Gift" we recommend to compare novel "That's why I cry..." written by V. Degtev (1959–2005) with Russian classical and modern literature.

Keywords: competition, comparative analysis, V. Degtev, Russian literature, novel «That's why I cry...».

Одним из главных требований к обучающимся в школе-интернате для одаренных детей является участие в предметных олимпиадах. В олимпиадной работе по литературе едва ли не самым важным является умение сравнить предложенные тексты. Определенной методической проблемой для учителя становится при этом поиск адекватных материалов (текстов) для подготовки. В курсе «Дар», ориентированном на подготовку к олимпиадам, нами рекомендуется для сопоставления с произведениями русской классической

¹ Чаплыгина Елена Олеговна – кандидат филологических наук, заместитель директора Школы-интернат для одаренных детей (ВГУЭС); email: Elena.Chaplygina1@vvsu.ru.

и современной литературы рассказ современного воронежского писателя В. Дёгтева (1959–2005) «Потому и плачу...» (1986). Рассказ воспринимается как подражательный, во многом ученический. Поэтому интересно решение проблемной ситуации, предложенной «олимпиадникам»: в чем вы видите переключку рассказа с произведениями И. Бунина, А. Чехова, Ю. Казакова? Какие идеи классиков русской литературы наследует современный писатель?

«Потому и плачу...» повествует об одном дне из жизни семилетнего мальчика, который вместе с дедом едет по степной дороге на тачке-двуколке за кувшинами (горшками, кринками) в одну из соседних деревень. По пути дед и внук навещают родственников, любят родными просторами, дед рассказывает мальчику «про старину» [1. С. 62]. Впечатления ребенка от поездки по степи составляют сердцевину рассказа, которая обрамляется речью уже взрослого героя-рассказчика о настоящей, современной его жизни – он возвращается на автобусе из деревни в город и вспоминает о своем деревенском детстве, а потом приезжает на улицу «[его] сыновьям родную, три девятиэтажных дома, за ними во дворе, [его], пятиэтажный» [Там же. С. 53].

Картина, увиденная героем-рассказчиком (в настоящем) из окна автобуса, становится толчком для ассоциаций-воспоминаний: «проплыли, уходя назад и в прошлое, мужик, косивший на обочине траву, одинокий мальчик, в розовой, пузырем, рубахе, стерегущий гусей» [Там же. С. 53; здесь и далее курсив авт. – Е. Ч.]. Деталь портрета мальчика заставляет вспомнить еще о главном герое повести А. Чехова «Степь», мальчике Егорушке: «От быстрой езды его красная рубаха пузырем вздувалась на спине...» [2. С. 74]. Мужик-косарь тоже оказывается среди начальных дорожных впечатлений героя «Степи»: «Шесть косарей стоят рядом и взмахивают косами, а косы весело сверкают и в такт, все вместе издают звук: “Вжи, вжи!”» [2. С. 78]. Фабульные события (поездка на телеге, встречи с разными людьми, истории (деда) о прошлом), система персонажей (старик – мальчик), хронотоп (летний день, степь, дорога) и в дальнейшем сближают рассказ Дёгтева с повестью Чехова и заставляют подспудно воспринимать повествование сквозь призму чеховского (и названного бунинского) текста. Два персонажа Дёгтева – мальчик и мужчина («дед») – станут главными и в основной (параболической) части повествования, воспоминании о детстве.

Герой-рассказчик в начальной части рассказа как бы множится в своих зеркальных повторениях – сквозь автобусное стекло он видит мальчика (себя) и, возвращаясь в город, уезжает от себя маленького к себе взрослому. Нынешняя поездка героя-рассказчика в деревню в свою очередь тоже станет прошлым, объединяясь с уже имеющимся воспоминанием, которое и начинается коротким предложением: «Помню утро» (с. 53). Предложение выделено в отдельный абзац, и этим подчеркнута его особая значимость. Здесь (в рамках «ученического» рассказа Дёгтева) угадывается повествовательная манера Бунина. В первой книге «Жизни Арсеньева» (описании раннего детства героя) в каждой главе слово «помню» особенно заметно и частотно: во II главе (начале собственно повествования о детстве) оно начинает уже второе предложение:

«Я помню большую, освещённую предосенним солнцем комнату, его сухой блеск над косогором...» [3. С. 27] (среди первых впечатлений ребенка в рассказе Дёгтева – утро и то же «[багровое] солнце <...> за дальним курганом», С. 53); в III главе на второй абзац (8 предложений) приходится 4 слова «помню», 2 из них в анафоре: «Помню до сих пор, как я томился, стоя среди двора на солнечном припеке <...> Помню, что ехали мы целую вечность, что полям, каким-то лощинам, просёлкам, перекресткам не было счета <...> Как въехали мы в город, не помню. Зато как помню городское утро!» [3. С. 30]. Частотность и начальная позиция слова «помню» в предложении и абзаце «работают» в романе Бунина на концептуальный мотив памяти. Эту же задачу преследует в рассказе и Дёгтев, начиная основную часть повествования коротким бесподлежащим предложением с ключевым словом «помню». Впечатления своего раннего детства о своей поездке Дёгтев, «пошагово» следуя классическим образцам русской психологической прозы, укладывает в испробованную и проверенную предшественниками семантическую цепочку: «помню», «утро», «солнце», «поездка» – и синтаксическую конструкцию (тоже известную) то ли односоставного предложения (с глаголом в определено-личной форме «помню», где «я» ребенка как бы наличествует, но размыто), то ли двусоставного (с подлежащим «мы»: «мы выезжаем», «мы проезжаем», «едем мы прямо» (с. 53), но включающим в себя и его личное «я»). Лексический строй рассказа Дёгтева и грамматическая форма подачи, кажется, могут быть «всеобщими», ничьими, общими [4], но их совмещенность, связь и сопряженность со всей определенностью указывают на «зависимый» от классиков характер изложения в этом раннем, по своей сути «очень-ученическом» рассказе начинающего писателя.

Бунинский «почерк», бунинское влияние ощутимы и в характере восприятия окружающего мира ребенком в рассказе Дёгтева. Как и в ностальгически лиричной прозе Бунина, так и в жизни окружающее для ребенка (героя основной части повествования) Дёгтева существует прежде всего в запахах: поначалу окружающее очень понятно и привычно ему, пространственно узко: «Пахнет лошадьё, пылью, прибитой росой, с огородов <...> молодым укропом и огуречными завязями» (с. 53), далее границы привычного мира расширяются, и увеличение пространства подано автором через усложнение гаммы запахов: «от них [волглых трав] пахло увядающей земляникой, горьковатым соком конского щавеля, шибаящим в нос купырем» (с. 55), «от пня струился медовый запах» (с. 56), от подаренного «старого, каменно-твердого пряника» (с. 57) исходил запах мыла. Бунинские «Антоновские яблоки» с их запахами-воспоминаниями ощутимы на каждой странице Дёгтева. Впервые увиденная во время поездки речка воспринимается героем не столько зрительно, сколько через запах (тоже обонятельно): «Речка! Как пахнет! Горько кугой, терпко – тинной, нежно-сладко пыльцой осота» (с. 60), дедов рушник, которым обтирается мальчик после купания, пахнет «сундуком, нафталином и еще чем-то тревожно-загадочным» (с. 61), поэтому мальчик отмечает этот предмет как особый, незнакомый ему в его привычном мире. В конце поездки картина запахов расширяется вместе с расширяющимся пространством увиденного и понятого: «...крепко пахло

лошадиным потом, от кринок – тонко, ненавязчиво – жженой глиной, горьковатым яблоневым дымом, с поля тянуло терпким гречишным цветом» (с. 65). В рамочной части рассказа (повествовании о взрослой жизни взрослого героя-повествователя) ни одного обонятельного образа нет: для зрелого человека мир словно сжимается (свертывается) до зрительных ощущений, утрачивая свою многогранность. Примечательно, что в дальнейшем творчестве Дёгтева обрисовка художественной действительности через запах обретет еще большее значение, станет одним из константных поэтических приемов художника.

В рассказе Дёгтева «Потому и плачу...» ощутима переключка с художественной манерой Ю. Казакова. В рассказе последнего «Плачу и рыдаю» (1963) герой тоже воспринимает окружающее через запах, но в отличие от мальчика взрослый персонаж конкретные запахи обобщает, ассоциирует и даже отчасти символизирует: «Елагин вынул консервы, стал застегивать рюкзак, но тут же вновь открыл, нагнулся и, посапывая, долго нюхал. – Как пахнет! – сказал он и посмотрел на Ваню. Ваня тут же вылез из-за стола и понюхал с наслаждением. Пахло дивно: выглаженным бельем, конфетами, печеньем и будто утренним кофе на даче. – Дорогой пахнет! – сказал Елагин. – Странствиями, встречами» [5. С. 417]. Сопоставление с рассказом Ю. Казакова «Плачу и рыдаю» тем более оправданно и допустимо, что сам Дёгтев считал себя учеником Казакова и даже называл период, когда был создан анализируемый рассказ, «казаковско-бунинским» [6. С. 83].

Интересно описание Новосолдатки, родного села прадеда Максима, основанного в старину солдатами. «[Я заметил другое село.] С белой церковью, с белыми домами; даже сараи в этом селе и те белые. Стояло необычное село на пригорке, вокруг равнина, зеленое с голубым. Над золотым церковным куполом скучились ватные горы <...> купы изумрудных деревьев ярко выделялись на фоне белых построек» (с. 57). По доминирующим цветовым деталям (белый, зеленый) это описание вновь можно сравнить с чеховской «Степью»: «[промелькнуло] за ними [кузницами] уютное, зеленое кладбище, обнесенное оградой из булыжника; из-за ограды весело выглядывали белые кресты и памятники, которые прячутся в зелени вишневых деревьев и издали кажутся белыми пятнами. Егорушка вспомнил, что, когда цветет вишня, эти белые пятна мешаются с вишневыми цветами в белое море; а когда она спеет, белые памятники и кресты бывают усыпаны багряными, как кровь, точками...» [2. С. 75]. Сходство объясняется, безусловно, не только фактической похожестью южно-русских весенних (летних) пейзажей (Приазовья у Чехова, Придонья у Дёгтева), но и уловленными авторами одинаковыми особенностями детского мировосприятия (яркость, контрастность образов, наполнение цветов светом, понимание ребенком смерти как сна). Оба описания имеют подтекстовый мотив рода (памяти): Егорушка вспоминает об отце и бабушке, мальчику в рассказе Дёгтева дед напоминает (о себе) сам: «Новосолдатка! <...> Тут я родился...» (с. 57).

К середине дня у героя-мальчика Дёгтева формируется (посредством рассказов деда Максима) оформленное, целостное впечатление о мире, у которого есть имя, принадлежность, запах, цвет: «Чем выше всходили, тем шире раскрывалась земля... Вот уже видна белая Новосолдатка, за её околицей – меловые выветренные овраги, зачервонели крыши Краснолипья, чернеет лес, который проезжали утром. <...> В другую сторону вдоль речки тянулось село Россошки. <...> За дымкой речка моей прабабки сливалась с другой, у которой название чудное и загадочное – Потудань» (с. 61). Дед, оглянувшись окрест, тоже называет окружающее не безлично и отстраненно, а по-родственному: «видишь, какая она, кормилица наша...» (с. 62), этим выражая общее с мальчиком чувство собственности (земли, родины) – «наша» и одновременно зависимости от неё – «кормилица». Как в «Степи» и «Жизни Арсеньева», так и в рассказе «Потому и плачу...» через эмоциональное (субъективированное) описание пейзажей рождается образ родины (в пространственном и историческом измерениях). Дёгтев как будто примеряет художественные образцы чеховского и бунинского текстов к собственной автобиографической прозе.

Рассказ «Потому и плачу...» идейно и художественно перекликается с произведениями Чехова («Степь»), Бунина («Жизнь Арсеньева») и Казакова («Плачу и рыдаю»). В рассказе он использует (заимствует) опробованные авторами-предшественниками выразительные фабульные события, лексико-семантические опоры, синтаксические формулы, художественные алгоритмы, что становится свидетельством ученической природы его рассказа. Начинающий писатель осознаёт свою «слабость» и в качестве «поддерживающих» его образцов избирает классические произведения русской прозы, близкие ему по духу, манере, даже стилю – произведения любимых и «образцовых» для него писателей.

Вслед за предшественниками молодой писатель размышляет о диалектике отношения жизни и смерти. Однако в своем рассказе Дёгтев только подходит к попытке собственного осмысления и решения сходных проблем, не претендуя на глубину обобщения, достигнутую признанными мастерами слова. Анализ данного рассказа выполняет, как уже говорилось, обучающую роль, но относиться к нему только как к материалу для курса подготовки к олимпиадам было бы неправильно. Произведение Дёгтева заставляет вновь осмыслить главные ценности, которые исподволь, не-декларативно и не-дидактически преподносит русская литература умеющему читать и понимать.

1. Дёгтев, В. Потому и плачу... // Тесные врата / В. Дёгтев. – М.: Молодая гвардия, 1990.
2. Степь / А. Чехов // Собр. соч.: в 8 т. – М.: Правда, 1970. – Т. 4.
3. Бунин, И. Жизнь Арсеньева / И. Бунин. – СПб.: Азбука-классика, 2010.
4. Николина, Н. Поэтика русской автобиографической прозы / Н. Николина. – М.: Флинта: Наука, 2002.
5. Казаков, Ю. Плачу и рыдаю // Долгие крики / Ю. Казаков. – Иркутск, 2008.
6. Огрызко, В. Изборник: материалы к словарю русских писателей кон. XX – нач. XXI века. – М.: Литературная Россия, 2003.